

Научная статья

УДК 902:391

doi: 10.17223/19988613/77/22

Металлические перстни-печатки из якутских погребений XVIII–XIX вв.

Розалия Иннокентьевна Бравина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, bravinari@bk.ru

Аннотация. Исследуются обнаруженные в якутских погребениях XVIII–XIX вв. перстни-печатки, в оформлении которых, наряду с традиционным растительным орнаментом, встречаются элементы «степного орнаментализма»: мотивы «корона», «пламенеющий жемчуг», «перевязанная пальметта» и «цветок смоквы». Наиболее широкие их аналогии встречаются в декоре поясных и сбруйных наборов в Хойцгорском могильнике в Западном Забайкалье и памятниках культуры енисейских кыргызов в Центральной Туве и Кузнецкой котловине Алтая. В статье высказывается предположение, что это наследие средневековых кыпчаков.

Ключевые слова: якуты, перстни, степной орнаментализм, енисейские кыргызы, кыпчаки

Для цитирования: Бравина Р.И. Металлические перстни-печатки из якутских погребений XVIII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 189–195. doi: 10.17223/19988613/77/22

Original article

Metal Signet Rings from Yakut Burials of the 18th–19th Centuries

Rosalia I. Bravina

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN), Yakutsk, Russian Federation, bravinari@bk.ru

Abstract. Metal signet rings are a very attractive category of finds in the archaeological sites of the Yakuts of the XIV – XIX centuries, but at the same time there are practically no resumptive works on them. The purpose of the article is to study the origin and iconography of the Yakut signet rings based on their historical and comparative analysis with small forms of toreutics, mainly belt ornaments of Eurasian nomads of the end of the 1st – beginning of the 2nd millennium AD. The sources were the materials of the archaeological excavations of Yakut burials of the XVIII – XIX centuries, made in the regions of Central Yakutia.

On the plates of most of signet rings from the Yakut burials the initials of the owners were engraved in Russian letters. That was the main reason for the formation of the opinion in scientific literature that Yakut signet rings appeared under the influence of Russian culture. However, in private and museum collections there are signet rings with runic signs of Orkhon-Yenisei script. Moreover, in the first layer of the settlement Kerdyugen, dating back to the XIV century, a bronze signet ring with the image of a lion and a unicorn was found. This image is also found on the front metal plates of Yakut parade saddles of the 19th century, matched by decor with ornamented overlays on the bows of the Kudyrinsky saddles. According to the researchers, the images of heraldic style reflect the ancient Turkic early medieval tradition, inherited in its turn from the neighboring civilizations – Sassanian Iran and China.

The artistic and decorative design of the Yakut signet rings, along with the traditional floral ornament, contains the elements of the so-called steppe ornamentalism: the motifs of “crown”, “flaming pearls”, “tied palmetta” and “fig flower”. The most extensive analogies of them are found in the decoration of the belt and harness sets in the Khoitsegorok cemetery in Western Transbaikalia and cultural monuments of the Yenisei Kyrgyz in Central Tuva and the Kuznetsk Basin of Altai. The motives under consideration, although present in the engraving of Yakut silver products, including band patches, are still beyond the attention of specialists. Indeed, a German anthropologist U. Johansen once noted that the individual motifs of Yakut ornament show similar features with the elements of the fine arts of Asia Minor cultures.

The presence of ornamental motifs of religious content in the art of the Yakuts is accompanied by the presence of a number of elements of Manichaean mythology and early Buddhism in their worldview and beliefs, apparently received from the medieval population of Pribaikalye or the Yenisei Kyrgyz. It is noteworthy that in the engraving of single silver products of the Yakuts Manichaean symbols are fixed.

The article suggests that signet rings in a jewelry set of the Yakuts, along with earrings in the form of a “question mark”, neck hryvnias with loop-like folds, could be the heritage of the medieval Kypchaks culture, and the elements of their iconography – toreutics of Yenisei Kyrgyz.

Keywords: Yakuts, signet rings, steppe ornamentalism, Yenisei Kyrgyz, Kypchaks

For citation: Bravina, R.I. (2022) Metal Signet Rings from Yakut Burials of the 18th–19th Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 189–195. doi: 10.17223/19988613/77/22

Среди якутов традиционного времени излюбленным видом украшений были кольца и перстни. В.Л. Приклонский, автор серии работ по дореволюционной этнографии якутов, писал: «Я не помню, видел ли я инородца без кольца или перстня на руке. Перстень непременно именной» [1. С. 38–39]. Кольца обычно были медные, а перстни – серебряные, и по материалу изготовления соответственно назывались «алтан бисилэх» и «кёмюс бисилэх» (якут. *алтан* – медь; *кёмюс* – серебро; *тюрк.-монг. бисилэх / билзек / бисэлэк* – кольцо / перстень) [2. Стб. 477]. Распространены были перстни-печатки со щитком «сирэйдээх бисилэх» круглой, овальной, подквадратной формы. Довольно часто в материалах якутских погребений встречаются так называемые «сургучные» перстни-печатки с инициалами из русских букв [3. С. 82; 4. С. 112; 5. С. 152]. Последнее, несмотря на то что в музейных и частных коллекциях встречаются серебряные печатки с руническими знаками, схожими с «буквами» орхоно-енисейского алфавита [6. С. 273–274], послужило основным доводом в пользу мнения о том, что перстень у якутов появился под влиянием русской культуры.

А.И. Саввинов в своей монографии о металлических украшениях якутов XIX – начала XX в. высказывает предположение, что якутские перстни, возможно, имеют более древние традиции, чем принято считать [7. С. 63]. Это отчасти подтверждается находкой бронзового перстня на поселении Кердюген в Мегино-Кангаласском районе, датируемом XIV–XVI вв. По описанию А.Н. Прокопьевой, на округлой плоскости печатки отгиснуты зооморфные изображения, возможно, льва и лошади (единорога?), стоящих на задних конечностях. Между ними выгравирована веточка, наверху которой прорисована «порхающая птичка» (рис. 1, 1). Автор считает, что сюжет и композиция иконографии привнесены из русской геральдической традиции [8. С. 210]. Однако следует отметить, что аналогичный сюжет был характерен и для оформления лицевых металлических обкладок якутских парадных седел XIX в. На лицевой обкладке такого седла из сибирской коллекции Американского музея естественной истории изображено мировое дерево, на трех ветвях которого сидят птицы с расправленными крыльями, а по краям стоят на задних конечностях единорог и лев в короне [9. С. 200–201, рис. 214]. В свое время А.П. Окладников отметил сходство в торовитке якутских седел с кудыргинскими обкладками [10. С. 230–231, рис. 72]. Геральдические изображения льва и единорога, по мнению Д.Г. Савинова, являются отражением древнетюркской раннесредневековой традиции, унаследованной, в свою очередь, от соседних цивилизаций – Сасанидского Ирана и Китая [11. С. 24]. Все это дает основание предположить, что металлические перстни-печатки входили в традиционный набор украшений якутов задолго до прихода русских в Ленский край.

Перстни-печатки имели широкое распространение у тюрков Сибири в период расцвета государственных

образований. Они выделяются в общем массиве украшений своими размерами и символикой. На их щитках нанесены тамги, личины, изображения воинов на лошади и т.д. В археологических памятниках Сибири единичные находки перстней-печаток зафиксированы и в более ранних памятниках Северного Приобья [12] и Томского Прииртышья [13]. В пользу местного центра возникновения перстней в Приобском регионе отчасти свидетельствует находка бронзового перстня в городище Пламя Сибири-6 в Среднем Приобье, датируемом VI–IX вв. [14. С. 34, рис. 2, 2]. Такого же мнения придерживается А.А. Адамов относительно находок в Приуралье, где сложился вполне самостоятельный ювелирный центр, развивавший собственные сюжетные орнаментальные традиции в изготовлении серебряных черных перстней [15. С. 36]. Кольцевидные перстни с плоским щитком наряду с серьгами в виде знака вопроса с длинным перевитым стержнем фиксируются в археологических памятниках средневековых кочевников степей Приуралья (XI–XIII вв.), которых можно соотносить с кимако-кыпчакскими племенами [16. С. 56].

На рубеже I–II тыс. военная и политическая экспансия «Кыргызского великодержавия» способствовала распространению в разных областях Центральной Азии и Южной Сибири не только сходных по стилю, но и чрезвычайно близких по декоративным композициям изделий, заимствованных из искусства Сасанидского Ирана и империи Танского Китая [17. С. 349]. Среди них выделяются поясные и сбруйные наборы со сложной системой орнаментации (растительный, «цветочный», «пламенеющий»), лировидные подвески с антропоморфными изображениями в короне. Определенный интерес в связи с этим представляет иконография якутских перстней-печаток, в которой присутствуют мотивы и символы, характерные для так называемого «степного орнаментализма» – «корона», «пламенеющий жемчуг», «перевязанная пальметта» и «цветок смоквы».

В археологической коллекции материалов погребений XVIII–XIX вв. Саха-французской экспедиции (Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale; MAFSO) наряду с «сургучными» перстнями-печатками с инициалами встречаются и перстни с изображением «корон» [18. С. 46, рис.]. Авторы отмечают, что подобные перстни с «гербами», как правило, находятся в богатых погребениях и в сочетании с декорированными «парадными» кнутами представляют собой символ родовой власти [Там же. С. 132]. Впервые в археологических памятниках Южной Сибири изображения людей в короне были зафиксированы на поясных лировидных подвесках с сердцевидной прорезью в центре и овальной ножкой в Хойцгорском могильнике в Западном Забайкалье [19]. В дальнейшем аналогичные были обнаружены в могильниках Эйлиг-Хем III (Центральная Тува; IX–X вв.) [20] и Октябрьский (Кузнецкая котловина Алтая; XI–XII вв.) [21], совершенных

по обряду кремации. По мнению Д.Г. Савинова, подвески подобного типа были характерны для культуры енисейских кыргызов по всей территории ее распространения [22. С. 127–128]. В этом плане весьма примечательной представляется бронзовая фигурная подвеска с небольшой сердцевидной прорезью в центре и округлой ножкой, найденная на стоянке Усть-

Тимптон I на р. Алдан [23. С. 197, рис. 1, 2]. В слое I вышеуказанной стоянки также был обнаружен трехлопастный наконечник стрелы [Там же. С. 198], что в комплексе с подвеской позволяет говорить о существовании этнокультурных контактов между племенами Якутии и Байкальского региона в конце I тыс. н.э.

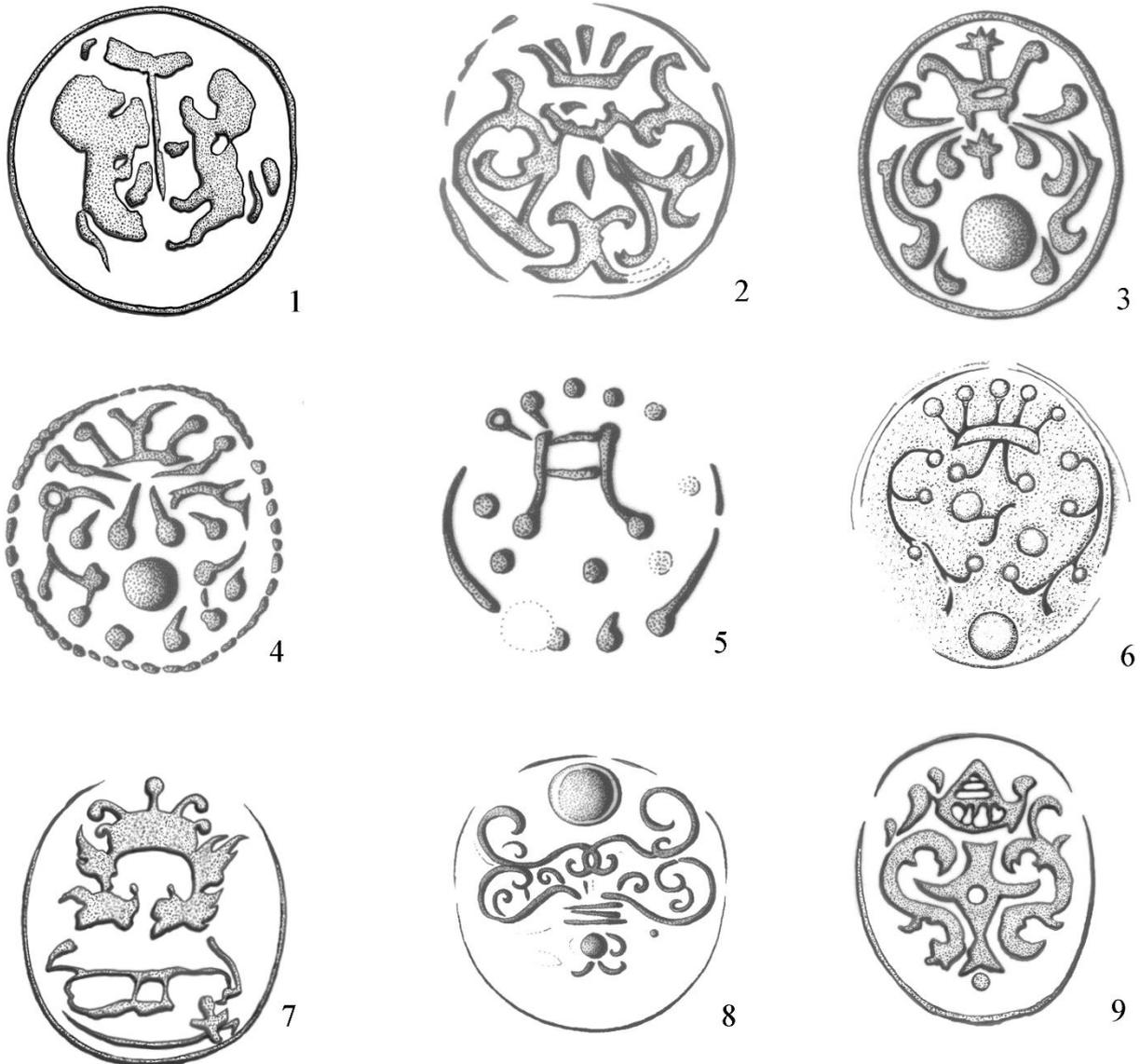

Рис. 1. Орнаментальные мотивы на перстнях-печатках: 1 – поселение Кердюген; 2 – погребение Охтубут 1; 3 – погребение Охтубут 2; 4, 5 – погребение Аттаха; 6 – случайная находка, Намский район; 7 – могилиник Ампаардаах; 8 – погребение Мунур-Урях; 9 – погребение Ат Быран III

Мотив «корона» в материалах якутских погребений XVIII–XIX вв. фиксируется на семи перстнях. Общий фон для их иконографии составляет традиционный мотив процветшей лиры, что можно сопоставить с обрамленными растительным орнаментом «хойцегорскими портретами», нанесенными на лировидные подвески. Нагляднее всего мотив лиры представлен в изображении перстня из погребения пожилой женщины, исследованного экспедицией MAFSO в местности Охтубут 1 в Чурапчинском районе (рис. 1, 2). Исследователи торевики малых форм отмечают, что один из основных элементов большинства хойцегорских

корон – это отогнутые книзу крайние лопасти, что придает им вид высокой пальметты, центральный «букет» которой вариативен [24. С. 77–78]. Иконография перстня-печатки из погребения Охтубут 1 сочетает в себе мотив процветшей лиры и изображение 5-лепестковой короны. Четыре крайних лепестка короны слегка отогнуты книзу, основание короны согласно хойцегорской традиции схвачено поперечной полоской. В совокупности вся иконографическая композиция перстня передает силуэт фигуры человека в одеянии округлых форм. В «хойцегорских портретах» люди нарисованы в пышных пелеринах. «Круглые» пелерины с фестон-

чатыми краями были известны в Сасанидском Иране, где они являлись, прежде всего, элементами одежды мужчин-жрецов. Известны были подобные накидки-пелерины и в раннесредневековом Согде [24. С. 78]. Сходство сюжета якутского перстня с «хойцегогорскими портретами» проявляется также в присутствии изображения дуги, соединяющей два крайних стебля лиры и как бы оттеняющей «лицо» человека. В тоже время дугу можно трактовать как полумесяц, который являлся одним из самых распространенных символов манихейства. Внутри лиры начертана каплевидная фигура с острием вниз.

Изображения корон на якутских перстнях-печатках типологически близки, но все же имеют различия. Корона на перстне из погребения молодой женщины Охтубут 2 в той же местности имеет три лопасти. Две крайние слегка отогнуты книзу и завершаются завитками (рис. 1, 3), а центральная лопасть прямая с венчающим ее шарообразным навершием с отходящими в разные стороны короткими лучами. Данное изображение можно трактовать как стебель с цветком / бутонном или жезл. Такая же фигура, только меньших размеров, помещена под короной. Корона на перстне из погребения Аттаха, исследованного Саха-французской экспедицией в Таттинском районе, имеет пять лопастей (рис. 1, 4). Четыре из них имеют закрученные книзу завитки, которые в нижней части образуют округлые утолщения. Средняя лопасть имеет вид раздвоенного лепестка. Лировидное обрамление изображения нанесено прерывистыми изогнутыми линиями. По отдельности они имеют очертания знака удлинённой «запятой» и фигур, похожих на тамгообразные знаки (например, круг с изогнутыми рогами со сквозным отверстием в центре) или же иероглифы. В этой связи следует отметить, что в одном из погребений могильника Ампаардаах, где также обнаружен перстень с изображением короны, была найдена деревянная лакированная чашка. На ее доньшке было выведено «черной тушью или краской что-то наподобие китайского иероглифа...» [3. С. 82].

Изображение на щитке второго перстня из погребения Аттаха сильно стерто, хорошо прочитывается только часть короны (рис. 1, 5). Сохранились две лопасти с округлыми завитками. Присутствие рядом с ними трех кружочков позволяет предположить, что, вероятно, лопастей было пять. Основа короны вычерчена четырьмя линиями в виде контура прямоугольника. Две вертикальные, слегка разведенные в стороны и отогнутые наружу линии, отходящие вниз от второй и четвертой лопастей короны, имеют в нижней части завитки в форме круга. Сверху и посередине они соединяются двумя горизонтальными линиями, образуя своего рода четырехугольное основание короны, в результате чего получается фигура, напоминающая по своему начертанию букву «А». По некоторым деталям декора рассматриваемый перстень похож на другой – случайно найденный в Намском районе (рис. 1, 6). Изображенная на нем корона имеет пять лопастей. От середины нижней части ободка короны вниз прочерчены две сильно отогнутые наружу линии с круглыми завитками на концах. По краям изображение оканто-

вано двумя раздвоенными внизу стеблями с побегами-листьями по обе стороны, которые также украшены завитками. Под короной нарисован тамгообразный знак – круг с двумя волнистыми отростками, имевший распространение среди тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири.

Плохо сохранилось изображение на перстне из могильника Ампаардаах в Мегино-Кангаласском районе (рис. 1, 7). В погребении, в котором обнаружен перстень, находился костяк женщины, одетой в меховую доху и нарядную шубу, украшенную бисерной вышивкой и кожаными аппликациями. На средние пальцы обеих рук были надеты серебряные перстни-печатки, на безымянные – серебряные кольца с неспаянными концами. На щитке одного из перстней прослеживается слабое очертание человека в короне с пятью лопастями. Центральная лопасть прямая, постепенно утолщается кверху и увенчивается круглым навершием. Две лопасти, расположенные с двух сторон от нее, отогнуты книзу и также закручены на концах. Две крайние лопасти отмечены округлыми навершиями. На лице точками отмечены глаза, пряди волос на уровне ушей загнуты вверх. На груди можно разглядеть сложенные вместе руки, кисти которых выделены общей линией, как в «хойцегогорских портретах». На человеке, вероятно, надета накидка. Внизу справа от изображения прочерчен эфес (?) кинжала или меча. По стилю портрет человека в короне похож на персонажей манихейских картин Восточного Туркестана, на которых изображены поясные фигуры со сложенными на груди руками [24. С. 79]. Внизу изображения прочерчена дуга.

Таким образом, изображения короны на якутских перстнях проявляют сходство с хойцегогорскими по ряду деталей: прорисовкам лопастей и оснований корон, присутствию растительной окантовки и изображению дуги, которую можно интерпретировать и как полумесяц.

Мотив «пламенеющая жемчужина» был заимствован средневековым населением Саяно-Алтая из искусства Среднего и Переднего Востока, Средней Азии и Китая. В буддизме «пламенеющая жемчужина» – многозначный символ, в том числе знак триединства Будды [25. С. 98–99]. Как отмечают исследователи, в Китае этот символ отождествляли с драгоценным камнем или драгоценной жемчужиной, которой владели два дракона – повелители моря, дождя, воды и хранители несметных богатств. Этот жемчуг осуществлял все желания, наподобие общетюркского камня *яда*, *йата*, *сата*, с помощью которого можно было управлять погодой. Существование веры в магические свойства камня *яда* отмечено в письменных известиях, датируемых VII в. Лингвисты этот термин считают заимствованным из древнеперсидского языка от слова *yatu* (волшебство) [26. С. 302]. В тюркитике малых форм степной Евразии жемчуг изображается фигурой в виде круга, объятая пламенем, расположенного на основании в виде лепестков – иногда раздвоенных, или же просто дуги.

Мотив «пламенеющая жемчужина» представлен в якутских материалах пятью перстнями (см. рис. 1, 2, 3, 4, 6, 8). Орнамент в форме круга часто встречается

на якутских бытовых предметах разного назначения и называется «тёгюрюк ойуу» (букв. узор «круг»). Некоторые исследователи связывают его с солярным знаком «солнце», исходя из названия металлических дисков «кюн» (буквально «солнце»), нашиваемых на традиционную шапку *дьабака* и шаманский костюм. Однако якуты в орнаментальном искусстве изображали солнце, как киргизы и алтайцы, – в виде вихреобразной круглой фигуры. Фигуры в форме круга на якутских перстнях обрамлены растительными побегами, напоминающими в данном случае языки пламени, что создает сюжет «пламенеющей жемчужины». Особенно наглядно этот мотив иллюстрируется на примере перстня из погребения Мунур Урях, где под верхней «жемчужиной» прорисовано два переплетающихся побега, а основанием нижней служит раздвоенный лепесток (см. рис. 1, 8). Жемчужина на перстне из погребения Охтубут 1 имеет контур капли с острием, направленным вниз (см. рис. 1, 2). Основанием ее служит мотив «перевязанная пальметта», характерный для поясов типа «Михельдорф–Скалистое», датированных концом VII – первой половиной VIII в. Исследователи выдвигают гипотезу о том, что появление данного мотива в Степной Евразии связано с расселением различных групп из Великой Болгарии под натиском хазарского нашествия [27. С. 89]. На средневековых росписях Восточного Туркестана жемчуг – это овал, иногда в виде капли острием вверх, помещенный на основании в форме лотоса, что не фиксируется в археологических памятниках Саяно-Алтая тюркского времени [24. С. 171–172]. Таким образом, мотив «жемчужина» в якутской орнаментике проявляет более чем древние черты.

Мотив «цветок смоквы» является одним из самых популярных в конце I – начале II тысячелетия у кочевников Саяно-Алтая. Он присутствует в декоре предметов из археологических культур Минусинского края, Кузнецкой котловины Алтая, а также в ладейской культуре Красноярского края. Мотив также встречается в Киргизии, Забайкалье и Северном Китае, в культуре киданей империи Ляо [24. С. 160–161]. «Цветок смоквы» – декоративный мотив в виде шляпки с высокой округлой тульей и опущенными книзу полями из удлиненных лепестков с лентой между ними. Цветы и само дерево смоквы почитались как символ священного дерева Будды, дерева мудрости [25. С. 99]. Данный мотив представлен в наших материалах единственным перстнем из погребения Ат Быраан III в Хангаласском районе (рис. 1, 9), хотя он довольно часто встречается в гравировке серебряных обкладок седел и поясных блях [28. С. 107, табл. V, 4–8]. В якутском варианте «цветок смоквы» почти идентичен имеющимся изображениям в искусстве Саяно-Алтая рубежа I–II тыс. н.э.

Выступающая часть цветка имеет слегка округлый конусообразный верх. От опущенных книзу лепестков он отделен горизонтальными линиями-полосками. Удлиненные лепестки прочерчены вертикальными линиями. По мнению У. Йохансен, автора монографического исследования по орнаменту якутов, изображения цветов у северных потомков южных кочевников проявляют черты, свойственные древнему искусству Передней Азии [Там же. С. 59, 93].

Присутствие орнаментальных мотивов религиозного содержания в искусстве якутов позволяет выявить древние корни их традиционного мировоззрения и верований. Инородные элементы – нововведения – воспринимаются только при условии, если они сопоставимы с устоявшимися канонами мифо-ритуальной практики. Манихейская символика небесных светил была близка средневековым кочевникам Южной Сибири и поэтому понятна им. У саяно-алтайских тюркоязычных народов и якутов зафиксирована собственная развитая и общая для всех мифология небесных светил: солнца, луны, звезд [26. С. 83–91]. Даже самая яркая черта манихейской мифологии – дуализм (борьба Света и Тьмы, Добра и Зла), является основой мировоззренческих идей и мифологии этих народов. В традиционных воззрениях якутов представления о перерождении души, идее возмещения за грехи, превращении сакральных лиц после смерти в божества и тому подобное свидетельствуют о раннем влиянии буддизма. Вероятно, эти идеи были переняты предками якутов через население Прибайкалья или енисейских кыргызов. По мнению якутского тюрколога Г.Г. Левина, палеография некоторых надписей на якутских серебряных изделиях (табакерке, поясных бляхах) по форме и характеру выполнения «сильно напоминают манихейские знаки» [6. С. 274].

В палеоэтнографии якутов, в первую очередь в материалах раннеякутской кулун-атахской культуры XIV–XVI вв., содержится целый ряд кыргызских и кипчакских элементов. Относительно предметов украшений это в первую очередь проволочные серьги в виде «знака вопроса» с нанизанными бусами, получившие в литературе наименование «кыпчакских», витые гривны, появляющиеся еще в верхнеобской культуре, т.е. в самом начале кыпчакского культурогенеза [17. С. 26–27], различного рода ажурные украшения, наиболее характерные для сrostкинской (кимако-кыпчакской) традиции, и т.д. Вместе с элементами культуры енисейских кыргызов, также представленными в орнаментальном декоре парадных седел и перстней-печаток, они создают неповторимый облик традиционной культуры якутов, сохранивших и творчески переработавших многие элементы наследия культуры кочевников Южной Сибири предмонгольского времени.

Список источников

1. Приклонский В.Л. Материалы по этнографии якутов Якутской области // Известия ВСОИРГО. 1887. Т. 18. С. 1–43.
2. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 710 с.
3. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 212 с.
4. Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 192 с.
5. Кирьянов Н.С., Crubézy E., Duchesne S., Gérard P., Mouglin V., Gérard A., Petit C., Колодезников С.К., Попов В.В., Романова Л.Г., Алексеев А.Н., Бравина Р.И. Раскопки могильного комплекса позднего средневековья «Ат-Дабан» («Ат-Быран») в долине Эркээни Центральной Якутии (по результатам работ Саха-французской археологической экспедиции в 2016 году) // III Международный конгресс средневековой архео-

- логии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток : Дальнаука, 2017. С. 148–154.
6. Левин Г.Г. Была ли письменность у якутов? (к вопросу о руническом письме у народа саха) // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 125-летию Г.В. Ксенофонтова и 100-летию Л.Н. Гумилева. Новосибирск : Наука, 2014. С. 271–277.
  7. Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX–начало XX в. (историко-этнографическое исследование). Новосибирск : Наука, 2001. 171 с.
  8. Прокопьева А.Н. Бронзовые изделия поселения Кердюген // Материалы I (XLV) Российской с международным участием археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности». Иркутск, 2005. С. 210–211.
  9. Иванова-Унарова З.И. Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII – начало XX вв.) = Material and Spiritual Culture of the Peoples of Yakutia in World Museums (17th – early 20th centuries). Якутск : Бичик, 2017. Кн. 1: Сибирская коллекция в музеях США. 784 с.
  10. Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству // История Якутской АССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 432 с.
  11. Савинов Д.Г. Парадные седла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири : сб. науч. тр., посвящ. 60-летию В.В. Боброва. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. Вып. 23. С. 19–24.
  12. Чикунова И.Ю. Металлический перстень из Северного Приобья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2017. № 12. С. 174–178.
  13. Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 353 с.
  14. Гордиенко А.В. Молчановско-андрушинская культура лесного Зауралья // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 31–36.
  15. Адамов А.А. Серебряные украшения из Тобольского Прииртышья (по материалам могильника Ивановский 10) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 34–39.
  16. Матюшко И.В. Погребальный обряд кочевников степей Приуралья в IX – XIV вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Казань, 2008. 375 с.
  17. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 364 с.
  18. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под ред. Э. Крюбеси, А. Алексеева. Якутск : Изд. дом СВФУ, 2012. 226 с.
  19. Талько-Грышневич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. IV // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского Отдела Императорского Русского географического общества. 1900 г. Иркутск, 1902. Т. III, вып. 1. С. 4–60.
  20. Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М. : Фондамента-Пресс, 1998. 84 с.
  21. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово : Кузбас. гос. техн. ун-т им. Т.Ф. Горбачева, 2005. 240 с.
  22. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
  23. Степанов А.Д. К аналогиям и происхождению некоторых бронзовых изделий Якутии (к вопросу о южных связях в эпоху железа и раннего Средневековья) // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИРГТУ, 2007. Вып. 5. С. 196–199.
  24. Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М. ; Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. 332 с. (Труды сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. V).
  25. Король Г.Г. Декоративно-прикладное искусство Саяно-Алтая рубежа I–II тыс. н.э. и верования тюрков // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. 2008. № 4/2. С. 98–106.
  26. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1980. 318 с.
  27. Данич А.В., Крыласова Н.Б. Новый пояс «византийского круга» из средневекового Баяновского могильника в Пермском крае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3 (59). С. 87–94.
  28. Йохансен У. Орнаментальное искусство якутов: историко-этнографическое исследование. Якутск : Дани Алмас, 2008. 160 с.

References

1. Priklonskiy, V.L. (1889) Materialy po etnografii yakutov Yakutskoy oblasti [Materials on the ethnography of the Yakuts of Yakutsk Region]. *Izvestiya VSOIRGO*. 18. pp. 1–43.
2. Pekarskiy, E.K. (1958) *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut Language]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
3. Konstantinov, I.V. (1971) *Material'naya kul'tura yakutov XVIII v. (po materialam pogrebeniy)* [Material culture of the Yakuts of the 18th century (based on burial materials)]. Yakutsk: Yakutknigoizdat.
4. Gogolev, A.I. (1990) *Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii pozdnego srednevekov'ya (XIV–XVIII vv.)* [Archaeological monuments of Yakutia in the late Middle Ages (the 14th – 18th centuries)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
5. Kiryanov, N.S., Crubézy, E., Duchesne, S., Gérard, P., Mougin, V., Géraut, A., Petit, S., Kolodeznikov, S.K., Popov, V.V., Romanova, L.G., Alekseev, A.N. & Bravina, R.I. (2017) Raskopki mogil'nogo kompleksa pozdnego srednevekov'ya "At-Daban" ("At-Byran") v doline Erkeeni Tsentral'noy Yakutii (po rezul'tatam rabot Sakha-frantsuzskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2016 godu) [Excavations of the grave complex of the late Middle Ages "At-Daban" ("At-Byran") in the Erkeeni Valley of Central Yakutia (based on the results of the work of the Sakha-French archaeological expedition in 2016)]. In: Kradin, N.N. & Sitdikov, A.G. (eds) *Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologiy i imperiy* [Between East and West: Movement of Cultures, Technologies and Empires]. Vladivostok: Dal'nauka. pp. 148–154.
6. Levin, G.G. (2014) Byla li pis'mennost' u yakutov? (k voprosu o runicheskom pis'me u naroda sakha) [Did the Yakuts have a written language? (on the question of the runic writing of the Sakha people)]. In: Alekseev, A.N. (ed.) *Vsadniki Severnoy Azii i rozhdenie etnosa: etnogenez i etnicheskaya istoriya sakha* [Riders of North Asia and the birth of an ethnos: the ethnogenesis and ethnic history of the Sakha]. Novosibirsk: Nauka. pp. 271–277.
7. Savvinov, A.I. (2001) *Traditsionnye metallicheskie ukrasheniya yakutov: XIX – nachalo XX v. (istoriko-etnograficheskoe issledovanie)* [Traditional metal ornaments of the Yakuts: the 19th – early 20th century (a historical and ethnographic research)]. Novosibirsk: Nauka.
8. Prokopieva, A.N. (2005) Bronzovye izdeliya poseleniya Kerdyugen [Kerdyugen bronze products]. In: *Kul'tury i obshchestva Severnoy Azii v istoricheskom proshlom i sovremennosti* [Cultures and Societies of North Asia in the Historical Past and Present]. Proc. of the I(XLV) Conference. Irkutsk. pp. 210–211.
9. Ivanova-Unarova, Z.I. (2017) *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Yakutii v muzeyakh mira (XVII – nachalo XX vv.)* [Material and Spiritual Culture of the Peoples of Yakutia in World Museums (17th – early 20th centuries)]. Vol. 1. Yakutsk: Bichik.
10. Okladnikov, A.P. (1955) *Istoriya Yakutskoy ASSR* [History of the Yakut ASSR]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Savinov, D.G. (2005) Paradnye sedla s geraldicheskimi izobrazheniyami zhivotnykh [Ceremonial saddles with heraldic images of animals]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Vol. 23. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 19–24.
12. Chikunova, I.Yu. (2017) Metallicheskiy persten' iz Severnogo Priob'ya [The metal ring from the Northern Ob region]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii*. 12. pp. 174–178.

13. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkhologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob region in the late Middle Ages (according to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Gordienko, A.V. (2013) Andryushinskaya culture of Wood Zauralye. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(22). pp. 31–36. (In Russian).
15. Adamov, A.A. (2017) Silver decorations from the Tobolsk Irtysh Region (based on the materials from the Ivanovsky 10 burial ground). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 414. pp. 34–39. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/414/5
16. Matyushko, I.V. (2008) *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov stepey Priural'ya v IX – XIV vv. n.e.* [The funeral rite of the steppes nomads in the Urals in the 9th – 14th centuries AD]. History Cand. Diss. Kazan.
17. Kiselev, S.V. (1949) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient History of Southern Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
18. Crubezy, E. & Alekseev, A. (2012) *Mir drevnikh yakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam Sakha-frantsuzskoy arkhologicheskoy ekspeditsii)* [The world of the ancient Yakuts: experience of interdisciplinary research (based on the materials of the Sakha-French archaeological expedition)]. Yakutsk: Northeastern Federal University.
19. Talko-Gryntsevich, Yu.D. (1902) Materialy k paleoetnologii Zabaykal'ya. IV [Materials for the paleoethnology of Transbaikalia. IV]. In: *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1900 g.* [Proceedings of the Troitskosavsko-Kyakhta branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society. 1900]. Vol. 3(1). Irkutsk: [s.n.], pp. 4–60.
20. Grach, A.D., Savinov, D.G. & Dluzhnevskaya, G.V. (1998) *Eniseyskie kyrgyzy v tsentre Tuvy (Eylig-Khem III kak istochnik po srednevekovoy istorii Tuvy)* [Yenisei Kyrgyz in the center of Tuva (Eilig-Khem III as a source on the medieval history of Tuva)]. Moscow: Fundamenta-Press.
21. Ilyushin, A.M. (2005) *Etнокul'turnaya istoriya Kuznetskoy kotloviny v epokhu srednevekov'ya* [Ethnocultural history of the Kuznetsk basin in the Middle Ages]. Kemerovo: Kuzbass State Technical University.
22. Savinov, D.G. (1984) *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnyurkskuyu epokhu* [The peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era]. Leningrad: Leningrad State University.
23. Stepanov, A.D. (2007) K analogiyam i proiskhozhdeniyu nekotorykh bronzovykh izdeliy Yakutii (k voprosu o yuzhnykh svyazyakh v epokhu zheleza i rannego Srednevekov'ya) [To analogies and the origin of some bronze products of Yakutia (on southern connections in the Iron Age and the early Middle Ages)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 5. pp. 196–199.
24. Korol, G.G. (2008) *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki* [Art of Medieval Nomads of Eurasia. Essays]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
25. Korol, G.G. (2008) Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Sayano-Altaya rubezha I–II tys. n.e. i verovaniya tyurkov [Decorative and applied art of the Sayano-Altai at the turn of the 1st – 2nd millennium AD and Beliefs of the Turks]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – Izvestiya of Altai State University. History*. 4/2. pp. 98–106.
26. Alekseev, N.A. (1980) *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [forms of religion of the Turkic-speaking peoples in Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
27. Danich, A.V. & Krylasova, N.B. (2014) New belt of the “Byzantine Circle” from the Medieval Bayanovsky burial ground in the Perm territory. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3(59). pp. 87–94. (In Russian).
28. Johansen, U. (2008) *Ornamental'noe iskusstvo yakutov: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Ornamental art of the Yakuts: a historical and ethnographic study]. Yakutsk: Dani Almas.

Сведения об авторе:

Бравина Розалия Иннокентьевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. отделом археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия). E-mail: bravinari@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Bravina Rosalia I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head, Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN) (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: bravinari@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2019; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 20.02.2019; accepted for publication 06.05.2022